

АЭРИН ВАЛЬЕН

КРАДЕННЫЙ СВЕТ



ЭВЕНРААТ

Аэрин Вальен

Краденый свет

«Автор»

2026

Вальен А.

Краденый свет / А. Вальен — «Автор», 2026

Семнадцать лет Эле твердили одно: её огонь слишком слаб. Недостаточно яркий для великого Дома Огня. Недостаточный, чтобы стать наследницей. Но в ночь перед отъездом в Академию Эла видит невозможное: Прилив приходит туда, куда тьма не добиралась семьсот лет. Теперь ей предстоит оказаться в Академии, где правду скрывают даже правители, встретить туманника, который словно ждал её появления, и понять, почему кто-то так долго заставлял целый мир верить в ложь. Семьсот лет Эвенраат жил во лжи. Эла задаёт вопросы с пяти лет. И однажды кто-то обязательно ответит.

© Вальен А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночь у воды.	5
Глава 2. Повинность	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Аэрин Вальен

Краденый свет

Глава 1. Ночь у воды.

Я знала, что меня поймают. Всё равно пошла.

Дом Арден засыпал с тем особым достоинством, которое приходит к людям, привыкшим считать себя важными: медленно, торжественно, с выключенными в нужном порядке свечами. Я прошла мимо кабинета деда, Аларика Ардена, с погашенным светом, мимо комнаты тёти Марго — оттуда не доносилось ни звука, что само по себе было красноречиво. Марго умела молчать только когда уже всё сказала. Мимо стражника у лестницы, который то ли спал, то ли притворялся. Я предпочитала думать, что спал. С притворяющимся сложнее.

Снаружи пахло жасмином и горячим камнем. Жасмин рос слишком близко к стене — каждое лето я удивлялась, как он вообще выживает. Потом думала: может, именно поэтому. Некоторые вещи держатся только там, где им не место.

Я шла к воде.

Дома Огня не любят воду — это знает каждый ребёнок Арден ещё до того, как научится ходить. Об этом повторяют с такой настойчивостью, что поневоле начинаешь подозревать: сами они верят не до конца. Мне объясняли это столько раз и с таким терпением, что в какой-то момент я перестала спорить. Не согласилась — перестала. Это разные вещи.

Я задавала вопросы с пяти лет. Это не добродетель, а просто факт.

Пруд в восточном саду был небольшим — декоративным, как говорил Аларик Арден, с выражением человека, терпящего вещь, которую не одобряет. Пруд был здесь раньше него. Наверное. Хотя Аларик наверняка сказал бы наоборот. У него вообще была привычка считать, что всё началось с него.

Опустилась на камни у берега, сняла сапог и погрузила ладонь в воду.

Холодная. И сразу — легче. Не знаю почему. Никогда не знала. Каждый раз одно и то же: рука в воде — и то, что держала весь день, наконец разжимается.

Что именно держала сегодня — отдельный вопрос. Завтрашнее объявление. Я чувствовала его ещё с утра. Не знала какое — просто чувствовала. Аларик смотрел на меня за ужином так, как смотрят, когда уже всё решили и ждут только подходящего момента сказать. Слова Марго о том, какой должна быть девушка из Дома Арден. Семнадцать лет в одних и тех же стенах. С одними и теми же ожиданиями, которым я так и не смогла соответствовать. Не потому что не старалась, а потому что у меня слабый огонь. И, видимо, с этим уже ничего не сделать.

Слабый огонь.

Провела пальцами по воде — рябь разошлась кругами и снова собралась. Огонь всегда чего-то требует. Вода просто есть. Вот и весь ответ на вопрос, который мне никто не задавал.

Сверчки стрекотали с такой уверенностью, будто ночь снова обещала быть самой обычной. Где-то в глубине сада пела ночная птица — низко, немного вопросительно, словно ещё не решила, стоит ли вообще петь.

Вот тогда я его увидела.

Сначала — тень у ограды. Деревья высокие, луна движется, свет не добирается до дальних углов. Нормально. Я уже почти отвернулась.

Потом тень двинулась.

Тени движутся вместе с источником света. Но это двигалось само. Медленно, ползуче, вытекало из-под восточной ограды и стелилось по земле, заполняя пространство между кор-

нями и камнями. Не светилось. Не шумело. Текло — и там, где проходило, трава медленно никла. Не горела, не чернела. Ложилась, будто из неё уходило что-то, что держало её прямо.

А потом замолчали сверчки.

Не сразу заметила — только когда тишина стала слишком полной. Секунду назад весь сад дышал: птица пела, листья шуршали. И вдруг — ничего. Даже ветер стих. Будто что-то огромное попросило мир помолчать, и тот согласился не раздумывая.

Холод пришёл изнутри. Не снаружи — откуда-то из-под рёбер. И остался там. Не страх. Что-то старше страха. То, для чего люди так и не придумали слов.

Ладонь я так и не убрала из воды. Забыла.

Тёмная масса у ограды остановилась. Между нами — метров двадцать. Два фонаря. Оба горят. Я думала только об одном: фонари горят. Пока горят фонари — всё нормально. Это была не особенно умная мысль. Но другой у меня не осталось. Иногда и одной достаточно.

Фонарь мигнул.

Не погас. Мигнул. Один раз. Быстро. Будто что-то прошло между ним и светом.

Тут я почувствовала запах. Не тухлый, не зловонный — ничего из того, чем пугают в историях. Другой. Секунду назад пахло жасмином и горячим камнем. Теперь — старым. Как комнатой, которую однажды закрыли и больше не открывали.

Медленно убрала руку из воды.

Под тёмной массой уже не было травы — только примятые бурые стебли, как в октябре, хотя вокруг стояло лето. Мир вокруг неё молчал так, будто рядом было что-то, что только берёт и никогда не отдаёт.

Встань и уйди.

Встала.

И оно остановилось.

Замерло — и медленно втянулось обратно под ограду. Мир подождал секунду. Потом вернулся сверчок. Один. Осторожно, словно проверял, можно ли. Потом другой. Мигнувший фонарь горел ровно.

Стояла и ждала, пока сердце решит успокоиться.

Потом дошло.

Оно остановилось, когда я собралась уходить. Не когда пришла. Тогда оно просто текло. Остановилось, только когда я поднялась.

Не нападало.

Смотрело.

— Прилив, — сказала я вслух. Иногда слова помогают назвать то, чего боишься.

Только Прилив не добирался до Игниса. Никогда. Это знали все, об этом говорили на каждом уроке истории, в каждой официальной речи. Земли Огня защищены. Земли Огня в безопасности.

Подняла сапог и пошла обратно. Не оглядываясь. Почти.

Уснуть не получилось.

Снился сон — тот же, что всегда. Женщина — лица не видно. Только волосы — золотые, почти белые, рассыпанные по тёмному камню. Чужая боль — старая, как рана, которая так и не затянулась. Горы. Клинок. Свет, который гасят.

Проснулась до рассвета. Долго лежала, слушая, как просыпается дом: сначала слуги внизу, потом кухня, потом шаги в коридоре. Встала раньше всех. По дороге в столовую прошла через восточный сад. Не специально. Этот путь короче. Или хотела убедиться. Одно из двух.

Полоса примятой травы тянулась от ограды до середины дорожки — бурая, сухая, совершенно октябрьская посреди июльского сада. Цветы у самой ограды поникли. Лепестки свернулись внутрь, будто пытались спрятаться и не успели. Бабочки кружили дугой, огибая это место так аккуратно, словно кто-то провёл для них невидимую черту.

Муравьи у камня строили новую тропу. Старая шла прямо через эту полосу. Новая обходила её стороной. Деловито. Без паники. Просто здесь теперь нельзя — и они знали это раньше меня.

Остановилась и смотрела дольше, чем следовало.

Прилив не добирался до Игниса. Никогда.

Только муравьи, кажется, этого не знали.

Объявление Аларик сделал за завтраком — между первым и вторым тостом. Тем самым голосом, которым сообщают уже принятые решения.

— Вы едете в Академию. Отъезд через два дня.

Ариан поднял голову. Я поставила чашку.

Нас не спросили. Я поняла это по лицу Ариана ещё до того, как услышала продолжение.

Я смотрела на Аларика и думала о бурой полосе в летнем саду. Сказать сейчас? При всех? Марго уже смотрела на меня тем взглядом, который ясно говорил: *не начинай*. Кассель изучал тост так сосредоточенно, будто это была единственная безопасная вещь в комнате.

Промолчала.

— Почему сейчас? — спросила я.

— Тебе семнадцать. Повинность крови.

— Я понимаю, что повинность. Почему сейчас, а не через год?

— Потому что я так решил.

Набрала воздух. Выдохнула. Прикусила щёку изнутри.

Вот тогда Ариан отложил нож.

— Аларик Арден, — сказал он спокойно, как говорят, когда хотят, чтобы услышали. — А если бы мы спросили сами, вы бы ответили?

Тишина. Марго перестала двигаться. Даже Кассель поднял взгляд.

Аларик посмотрел на Ариана — долго, ровно, с тем выражением, по которому невозможно было понять ни одобрения, ни раздражения. Раньше я принимала это за холодность. Теперь понимала — это контроль. Разница оказалась существенной.

— Нет, — сказал он.

И снова взялся за чашку.

Ариан поймал мой взгляд через стол. Одним движением плеч сказал всё, что мы оба думали. Я взяла чашку. Чай остыл. Я всё равно его выпила.

Про ночь я так и не сказала. Про траву тоже.

Перед ужином зашла к Аларику.

Кабинет пах кожей и свечным воском — горьковато, чуть душно. Так пахнут места, где принимают решения и редко открывают окна. Он читал бумаги. Между нами горела свеча. За его спиной потрескивал камин.

— Ночью в саду, у восточной ограды, — начала я. — Там было тёмное пятно. Оно двигалось не как тень. Там, где прошло, трава до сих пор не поднялась. Живое обходит это место. Думаю, это был Прилив.

Аларик поднял голову.

— Ты выходила ночью в сад.

— Да. Но трава мне не приснилась.

— Я разберусь.

Он снова опустил взгляд на бумаги.

— Вы знаете, что это было? — сказала я.

Молчание.

— Вы знаете, — повторила я. Это уже не был вопрос.

Его пальцы на секунду замерли над страницей.

Только на секунду. Потом рука снова двинулась, взгляд остался на тексте. Если бы я смотрела чуть в сторону, не заметила бы. Но смотрела прямо.

— Иди собираться, — сказал он.

Я почти вышла, когда он, не поднимая взгляда, провёл ладонью над свечой. Медленно. Почти сквозь огонь. Машинально — как теребят манжет или барабанят пальцами. Секунду. Две.

Не отдёргнул.

В горле пересохло. Пальцы сжались на дверной ручке. Жар камина бил в спину — горячо, совершенно обычно. Рука вернулась на стол. Он перевернул страницу.

Вышла тихо. В конце коридора открыла окно и стояла, пока ночной воздух не остудил кожу.

Правитель Дома Огня. Пламя в нескольких дюймах от кожи.

И ничего.

Ариан нашёл меня через час.

Три коротких, один долгий — наш стук с пяти лет. Я открыла.

Вошёл, оглядел разобранные сумки, штаны поверх платьев.

— Много платьев.

— Марго настояла.

— Возьмёшь?

— В самый низ.

Улыбнулся — той улыбкой, которую я знала. Не парадной. Не светской. Настоящей. Сел на кровать и немного помолчал.

— Ты видела что-то в саду, — сказал он. Не вопрос.

— Откуда знаешь?

— Ты не спала. И зашла к нему. — Он не ответил?

— Нет.

— Он никогда не отвечает на вопросы, которые считает опасными.

Голос был ровным. Слишком ровным после того, что он только что сказал.

Я посмотрела на него. На то, как он сидит, как откидывает волосы, когда думает о чём-то неприятном.

— Он защищает нас, — сказала я. Не спросила. Сказала. Потому что очень хотела, чтобы это оказалось правдой.

Ариан помолчал чуть дольше, чем молчат, когда согласны.

— Думаю, он защищает что-то, — сказал он наконец. — Не уверен, что это мы.

За окном горели фонари, освещая клумбы, дорожки, восточный угол сада. Отсюда не было видно ни бурой полосы, ни поникших цветов. Отсюда всё выглядело как всегда.

— Там будет интересно, — сказал он.

— Там будет опасно.

— Это одно и то же. Он встал, быстро, по-братски потрепал меня по плечу. — Ложись спать. Завтра долгая дорога.

Бросила книгу в сумку, не глядя. Он был прав. Только теперь это звучало совсем не как утешение.

Ночью долго лежала и смотрела в темноту.

Думала о Люмене, о дороге, о стенах, которые изменятся. Не исчезнут — станут другими. О пальцах Аларика, замерших на секунду над страницей. О ладони над огнём. О муравьях, которые перестраивали тропу без паники. Просто потому, что здесь теперь нельзя. И они знали это, хотя никто их не предупреждал.

Интересно, давно ли они это знают.

Оно остановилось, когда я встала. Не нападало. Смотрело. Было ли это случайностью, я так и не решила.

За окном тявкнула собака и смолкла.

Другие стены, подумала я. Посмотрим.

Только теперь я уже не была уверена, что хочу знать, что ждёт меня там. Но пойду. Это знала точно. Я слишком долго задавала вопросы, чтобы остановиться сейчас.

Ответов пока не было ни одного.

Я задавала вопросы с пяти лет.

Это не изменится.

Глава 2. Повинность

Уезжать оказалось проще, чем собираться.

Вещи хотя бы можно было разложить по сумкам. Решить, что взять, что оставить, что спрятать под платьями, чтобы Марго не нашла. С остальным было сложнее.

Во дворе ждали две кареты. Первая — пассажирская, тёмно-красная, с золотым солнцем Арден на дверце. Вторая — для багажа и сопровождающих. Лошади били копытами по камню, недовольные ранним подъёмом и, возможно, всей затеей в целом. В этом мы были согласны.

Слуги носили сундуки. Стражники проверяли крепления. Аларик стоял у ворот и разговаривал с начальником охраны так, будто отправлял военный отряд, а не двух внуков в школу.

Марго пересчитала мои сумки.

— Пять.

Коротко кивнула самой себе и подошла ближе.

Поправила ворот моего плаща — медленно, словно искала не складку, а повод задержать меня ещё на несколько секунд.

— В Академии будут представители всех Великих Домов.

— Да.

— Они будут судить Дом Арден.

Пальцы замерли на застёжке моего плаща.

— К сожалению, по тебе.

Я промолчала.

— Постарайся, чтобы мне потом не пришлось ничего объяснять.

Верхняя пуговица наконец встала на место.

— Хотя... — уголок её губ едва заметно дрогнул. — Это было бы не впервые.

Я стиснула зубы. Марго замечала всё. Именно поэтому я никогда не любила оставаться с ней наедине.

— Я поняла.

Несколько секунд она просто смотрела на меня.

Потом развернулась и пошла к Аларику.

Я выдохнула, когда её взгляд наконец отпустил меня.

За её плечом Кассель разговаривал со стражником. Аларик уже ждал у ворот.

Родителей во дворе не было. Они уехали в Сильву почти месяц назад. Тогда никто не собирался отправлять нас в Академию. По крайней мере, никто не говорил об этом вслух.

Два дня. Именно столько Аларик оставил между решением и отъездом. Достаточно, чтобы сложить вещи. Недостаточно, чтобы попрощаться.

— Эла.

Ариан уже стоял у кареты. Дорожный плащ сидел на нём так, будто его шили не для поездов, а для портрета.

— Если ты решила сбежать, — сказал он, — сейчас самое время. Пока никто не заметил.

— Две кареты, восемь стражников и Аларик у ворот.

— Значит, придётся постараться.

— Ты первый.

— Я наследник. Мне нельзя.

— Удобно.

Он протянул руку, помогая подняться. Я могла забраться сама. Он это знал. Всё равно протянул.

Внутри уже сидела Скай.

Она устроилась у окна, вытянув ноги на противоположное сиденье, и доедала яблоко. Короткий дорожный клинок лежал рядом с ней, поверх сумки, словно был обычной частью багажа. Наверное, для Скай так и было.

— Наконец-то. Я уже решила, что Ардены передумали.

— Ардены не передумывают, — ответил Ариан, остановившись в дверях. — Они заставляют остальных усомниться в собственной памяти.

— Тогда подвинься. Ты загораживаешь свет.

— Я ещё даже не сел.

— Уже мешаешь.

Он посмотрел на её сапоги, занимавшие половину сиденья.

— Это моё место.

— Было.

Он вздохнул, подхватил её ноги за щиколотки и сбросил на пол. Скай едва успела удерживать яблоко.

— Ты совсем оборзел?

— Я наследник. Мне можно.

Она пнула его в голень. Не сильно. Достаточно, чтобы он отдернул ногу.

— Дикарка.

— Зато с хорошей памятью. Ты мне должен три серебряных.

— Два.

— Уже три.

Я села у окна, пока они не решили поделить ещё и моё место.

За стеклом мелькнула полоска выжженной травы. Сердце на мгновение сжалось. Обычная обочина. Не восточный сад. Я заставила себя отвернуться.

Скай посмотрела на меня.

— Ты чего такая?

— Какая?

— Будто идёшь на собственные похороны.

— Это лицо Арден. Марго сказала помнить, чьё имя я ношу.

Скай фыркнула.

— Марго много говорит.

— Особенно когда её не спрашивают, — заметил Ариан.

Скай протянула мне яблоко. На нём остался след её зубов.

— Хочешь?

— Уже нет.

— Как знаешь.

Она пожала плечами и снова отвернулась к окну.

Первые часы Скай и Ариан спорили.

Не о чём-то определённом. Им это было не нужно. Сначала — кому принадлежит место у окна. Потом — достаточно ли сухими были пироги Марго, чтобы использовать их в бою. Потом — кто из них первым свалился с лошади семь лет назад.

— Ты, — сказала Скай.

— Ты меня толкнула.

— Ты плохо держался.

— Ты толкнула меня в спину.

— Из воспитательных соображений.

— Мне было десять.

— Именно. Уже поздно было надеяться, что сам научишься.

Я смотрела на них и пыталась читать. Не получилось.

— Эла, — сказал Ариан. — Скажи ей.

— Что?

— Что она столкнула меня.

— Она столкнула тебя.

Скай возмущённо повернулась ко мне.

— Ты должна быть на моей стороне.

— Почему?

— Потому что я старше.

Я едва сдержала улыбку.

Иногда я забывала, что Скай — наша кузина.

Дом Молний был маминым домом. Дед всегда говорил, что внукам не нужны приглашения.

— На два года.

— Достаточно, чтобы быть мудрее.

— Ты подожгла шторы на прошлом балу.

— Это была молния.

— В помещении.

— Там было душно.

Ариан рассмеялся. Скай бросила в него огрызок. Он поймал его у самого лица.

— Варварство.

— Хорошая реакция. Значит, тренировки не совсем бесполезны.

Он хотел ответить, но заметил, что огрызок оставил на перчатке влажный след. Скай уже смотрела в окно — слишком невинно для человека, которому вообще было знакомо это состояние.

Ариан молча вытер перчатку о край её плаща. Она ударила его по руке. Я отвернулась к окну, чтобы они не увидели улыбку.

За стеклом медленно отступал Игнис. Сначала сады — тёмно-зелёные, тяжёлые от жары. Потом виноградники, поля, красные склоны. Дальше земля стала суше. Скалы поднимались из неё, как обугленные кости.

Я знала эти места. Не все дороги, не все деревни — но цвет земли, запах пыли, жар, который даже через стенки кареты ложился на кожу. Всё это было знакомо настолько, что раньше казалось неизменным.

Теперь каждое дерево выглядело последним. Глупая мысль. Мы не уезжали навсегда.

Наверное.

— Сколько ехать? — спросила я ближе к полудню.

— До побережья два дня, если дорога чистая, — ответила Скай. — Потом корабль до Люмена.

— Если дорога чистая?

— Она почти всегда чистая.

— Почти?

Скай перевела взгляд на меня.

— Ты всегда цепляешься к одному слову?

— Только если остальные ничего не значат.

Ариан отвернулся к окну, пряча улыбку. Скай несколько секунд смотрела на меня, потом кивнула, будто решила что-то для себя.

— Следы Прилива иногда находят у дорог. После ночи. Обычно далеко от поселений.

— В Игнисе?

— На тёмной кромке. Иногда ближе.

— Мы не у границы.

— Пока нет.

Она сказала это спокойно. Не пугая, не успокаивая. Потом добавила, будто между прочим:

— Здесь не хвалят за смелость. Здесь хвалят за то, что вернулся.

— Там правда все равны?

Ариан не ответил. Он посмотрел на Скай и промолчал — будто уже знал, что рассказать об этом должна она.

— На построении — да, — сказала Скай.

— А потом?

— Потом вспоминают фамилии.

Она усмехнулась.

— Не переживай. Если ты слабая — фамилия помогает недолго.

Я вспомнила бурую траву в восточном саду. Рассказывать не стала.

Аларик обещал разобраться. Это могло означать что угодно — от отправленного отряда до человека с лопатой, которому велют заменить землю до возвращения хозяев.

Потом подумала: ладно.

К вечеру первого дня спорить не хотелось даже Скай.

Это оказалось самым надёжным способом понять, насколько мы устали.

Ночевали на старом трактовом дворе.

Утром дорога началась снова.

Перед полуднем второго дня мы миновали последнюю крепость Арден. Стражники на стенах подняли руки в приветствии. Наши ответили. Ворота остались за спиной. За ними дорога стала уже.

Скай закрыла книгу. Я заметила это сразу — не потому, что она сделала что-то особенное. Просто до крепости она сидела расслабленно. Теперь её ступни стояли на полу, а рука лежала рядом с клинком.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Ты убрала книгу.

— Дочитала.

— До середины?

Она посмотрела на книгу у себя на коленях.

— Наблюдательная.

— Мне это часто говорят так, будто это недостаток.

— Иногда так и есть.

Карета качнулась на выбоине. Ариан проснулся, ударился плечом о стенку и выругался.

— Уже приехали?

— Да, — сказала Скай. — Академия теперь выглядит как пыльная дорога и твоя сестра.

— Значит, ещё нет.

Он выпрямился, потёр плечо и посмотрел наружу.

— Почему мы замедлились?

Я тоже почувствовала. Колёса больше не гремели по дороге. Карета шла почти шагом.

Впереди крикнул один из стражников. Потом другой. Карета остановилась.

Не резко. От этого стало ещё хуже.

Лошади зафыркали. Снаружи послышались короткие команды, скрип ремней, звон металла.

А потом замолчали птицы.

Не сразу заметила — только когда тишина стала слишком полной. Лес по обочинам был неподвижным.

Книга лежала у Скай на коленях, а большой палец уже лёг на рукоять клинка.

— Сидите здесь.

Она открыла дверцу. Ариан подался следом — я схватила его за рукав.

— Она сказала сидеть.

— Она много чего говорит.

— И обычно делает быстрее, чем думает.

Он посмотрел через окно на Скай, которая уже шла к спешившимся стражникам. Но наружу не полез. Просто пересел ближе к двери. Оттуда было лучше видно. Наверное.

Я наклонилась к окну. Один из стражников присел возле обочины — провёл рукой над землёй, не касаясь. Второй держал меч обнажённым.

Потом я увидела след.

Тёмная полоса уходила от дороги к кустам. Трава вокруг лежала плоско. Она была бурой — совсем как в восточном саду.

Стражники переглянулись раньше, чем кто-либо заговорил.

В груди стало холодно.

Ариан тоже увидел. Поняла по тому, как он перестал дышать на секунду.

— Это оно? — спросил он тихо.

Я не уточнила, что именно.

— Не знаю.

Между её пальцами вспыхнула тонкая белая искра. Молния побежала по коже — от запястья к пальцам, короткая, резкая, живая. Воздух запах грозой. Скай улыбнулась — не от радости, скорее так улыбаются перед прыжком.

Потом искра коснулась воздуха над следом. Раздался сухой треск. Скай дёрнула руку назад.

Ариан открыл дверцу прежде, чем я успела его остановить. Не вышел — остался на подножке.

— Скай.

Всего одно слово. Она обернулась.

— Сижу, — сказал он, прежде чем она успела что-то ответить. — Почти.

— Закрой дверь.

— Сначала отойди.

— Не командуй.

— Тогда считай это просьбой.

Скай посмотрела на него несколько секунд. Потом всё-таки отступила от следа.

Ариан закрыл дверцу и вернулся на место, словно ничего не произошло.

Через минуту Скай вернулась. Поднялась внутрь и села напротив. Клинок положила рядом. На правой руке у неё выступили белые точки — маленькие следы электрического разряда. Она сжала пальцы, пряча их в ладони.

— Что там? — спросил Ариан.

— Ничего.

— Ты всегда бьёшь молнией в ничего?

— Только если оно раздражает.

— Ничего отбивает твою силу? — спросила я.

— Не отбивает.

— Ты отдёрнула руку.

— Потому что не хотела поджечь кусты.

За окном кусты всё ещё стояли зелёными. Я ничего не сказала. Ариан тоже.

Снаружи крикнули. Карета качнулась и снова тронулась.

— Я сказала «ничего», — повторила Скай.

— А я услышала, — ответила я.

— Тогда забудь.

— Не умею.

— Научат.

Её голос оставался лёгким. Почти обычным. Только рука легла на рукоять клинка.

Ариан наклонился, поднял её книгу с пола, смахнул пыль и протянул.

— Ты страницу потеряла.

— Не потеряла.

— Она под сиденьем.

— Значит, нашла новое место.

Он вытащил смятую страницу, разгладил её на колене и вложил обратно.

— Береги вещи.

Скай забрала книгу. Больше никто не говорил.

Дорога продолжалась.

Тёмная полоса осталась позади, но я всё равно видела её каждый раз, когда закрывала глаза. Карета шла быстрее. Стражники держались ближе. Даже лошади будто чувствовали, что останавливаться больше нельзя.

Скай снова открыла книгу. Долго смотрела на одну страницу. Не переворачивала.

Ариан сидел рядом, почти касаясь меня плечом. Его взгляд время от времени возвращался к её руке. Только к руке. Скай будто не замечала. Или делала вид.

К вечеру впереди показались холмы, а за ними — тонкая полоска моря. Я увидела её сразу. Вода уходила до самого горизонта. Нечто огромное. Спокойное отсюда. Живое.

На мгновение всё остальное исчезло — дом, Марго, Аларик, дорога, даже след у обочины. Осталась только вода.

Внутри что-то разжалось. Ненадолго.

— Красиво, — сказал Ариан.

Он смотрел на море. Лицо снова было обычным — почти. Только руки лежали слишком неподвижно на коленях.

Вдали, почти на самом краю горизонта, показалось белое сияние — слабое, ровное, будто там ещё не наступил вечер. Внутри сияния проступали тонкие линии башен.

Люмен.

Скай выпрямилась — совсем немного. Для неё это было возвращение. Для нас — нет.

Ариан молча взял меня за руку. Он всегда каким-то образом понимал, когда мне нужно, чтобы рядом кто-то был.

Не посмотрел. Не пошутил. Просто сжал пальцы. Его ладонь была холодной.

За руку он меня раньше не брал.

Я ничего не сказала.

Через несколько секунд он отпустил меня и повернулся к окну, будто ничего не произошло.

На одно короткое мгновение мне показалось, что между морем и светящимся городом что-то шевельнулось.

Моргнула.

Ничего.

И почему-то именно это испугало сильнее всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.